

ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

ГЕНРИХ ИОФФЕ

РЕВОЛЮЦИЯ

И СЕМЬЯ
РОМАНОВЫХ

Гибель династии Романовых

Генрих Иоффе

Революция и семья Романовых

«Алисторус»

2012

УДК 94(47)
ББК 66.3(2)

Иоффе Г. З.

Революция и семья Романовых / Г. З. Иоффе — «Алисторус»,
2012 — (Гибель династии Романовых)

ISBN 978-5-4438-0175-9

Один из ключевых моментов русской революции начала XX века был расстрел семьи последнего императора Николая Романова. На протяжении всего прошлого века гибель семьи Романовых обрастала самыми драматическими и фантастическими подробностями, включая теорию заговора. Каковы были предпосылки этого события, что произошло в подвале Ипатьевского дома на самом деле, кто виноват в том, что самые знаменитые узники революции были расстреляны без суда и следствия – рассказывает книга зарубежного исследователя Генриха Иоффе.

УДК 94(47)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-4438-0175-9

© Иоффе Г. З., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

От автора	6
Глава I	8
Глава II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Г. З. Иоффе

Революция и семья Романовых

© Иоффе Г. З., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

От автора

Когда историк соприкасается с событиями, связанными с историей крушения царизма, с историей борьбы с теми силами контрреволюции, которые стремились к его реставрации, он не может уйти от темы личной судьбы последних Романовых. Между отречением Николая II в начале марта 1917 г. в Пскове и расстрелом Романовых в середине июля 1918 г. в Екатеринбургe прошло почти полтора года – срок по революционному времени огромный, наполненный ожесточенной классово-политической борьбой. Как правило, зарубежная историография не находит в ней места свергнутому Романовым, вследствие чего их конец выглядит якобы ничем не оправданным актом «революционной мести», «жестокости большевизма». Сенсационность, с которой обычно подается эта тема, рассчитана на «массовое потребление». К сожалению, советская историческая литература после 20-х годов обходила историю Романовых после свержения царизма. Лишь в 70-х годах появились отдельные работы, в которых она затрагивалась прямо или косвенно. При всем том, что было в них содержательного, известным недостатком этих работ следует все же считать определенную узость подхода к теме, большее или меньшее «замыкание» на истории конца Романовых, рассмотрение ее без достаточно широкого фона тех драматических событий, которые переживала страна.

Конечно, последние Романовы в личном и политическом плане были серьезно скомпрометированы еще в канун Февраля, в чем особую роль сыграла «распутинщина». И это обстоятельство, в частности, в немалой степени тормозило переход белогвардейско-монархической контрреволюции к открытому монархизму, провозглашению лозунга реставрации Романовых. Один из участников белого движения в Сибири – полковник А. Степанов очень точно определил эту ситуацию: «Царская семья, как равно и монархические принципы, так заплеваны и загажены, что вряд ли встретят какой-либо отклик среди народа... Поэтому, как ни тяжело и ни больно признать, монархические лозунги, если их выбросить, потерпят полное фиаско...»¹

Исходя из понимания этого факта, идеологи и политики белого движения формировали его стратегию следующими словами А. В. Кривошеина: «Лучше, чтобы монархия пришла в Россию на 5 лет позже, чем на 5 минут раньше»². И, тем не менее, Романовы (особенно великий князь Михаил Александрович, наследник, сын Николая II Алексей, великий князь Николай Николаевич и др.) долго находились в политическом резерве белогвардейщины: никто в ее среде не мыслил реставрацию монархии без династии Романовых.

Это, конечно, не следует понимать как желание в полном объеме восстановить дофевральскую монархию. Даже в монархическом лагере многие сознавали, что после глубочайших перемен, вызванных двумя революциями 1917 г., такое попросту невозможно. Вместе с тем, как весной 1919 г. писал генералу А. И. Деникину бывший глава «правительства Северной области» энес Н. В. Чайковский, всем в контрреволюционном лагере было совершенно очевидно, что в случае победы белых начнется «угар реакции против свободы и демократии»³.

Автор стремился воссоздать картину той классово-политической борьбы, которая развернулась в стране после свержения царизма, и в первую очередь участия в ней правых сил, стремившихся к монархической реставрации. Это потребовало расширения хронологических и территориальных рамок, включения целого ряда исторических сюжетов, событий, совершавшихся в различных регионах страны, охваченных революцией и гражданской войной. Только на таком фоне можно было понять, что происходило и произошло с монархией и Романовыми

¹ Степанов А. И. Сибирская операция // Белое дело. Белград, 1926. Т. 1. С. 85.

² Последние новости. Париж, 1922. 10 авг.

³ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо Чайковского Н. В. Деникину А. И. 23 апреля 1919 г.

после Февраля 1917 г. Их история и после отречения Николая II оставалась тесно вплетенной в бурные исторические события, в ожесточенную борьбу различных классовых сил.

Замысел книги обусловил специфику привлекаемого исторического материала (литературы, прессы, мемуаров, архивных документов) и характер его использования.

Существует хрестоматийный метод прикнижного историографического анализа: труды предшественников с большей или меньшей полнотой рассматриваются в специальном разделе, обычно предваряющем книгу. Этот метод вполне оправдан, особенно в том случае, когда избранная тема действительно имеет четкую исследовательскую традицию. Но у него есть и недостаток: известная затрудненность прямого сопоставления уже сделанного с авторской позицией.

В последние десятилетия в нашей исторической литературе утвердился другой историографический метод – рассмотрение предшествующей литературы или ее отдельных аспектов в органической связи с конкретно-историческим материалом, так сказать, по ходу его. Пожалуй, наиболее приемлем он в тех случаях, когда избирается тема, носящая комплексный характер, т. е. включающая в себя ряд сюжетов, каждый из которых имеет собственную историографию. Так, в нашем случае по старому «историографическому закону» пришлось бы давать обзор литературы по истории кануна крушения царизма, Февральской революции 1917 г., корниловщины, Великого Октября, начала гражданской войны и иностранной интервенции и др. Это было бы физически невозможно. Вместе с тем, без многих капитальных трудов по названным проблемам (В. С. Дякина, А. Я. Авреха, Е. Д. Черменского, Э. Н. Бурджалова, И. П. Лейберова, И. М. Пушкаревой, В. И. Старцева, А. В. Игнатьева, А. Я. Грунта, Г. Л. Соболева, Н. Г. Думовой, Н. Я. Иванова, И. И. Минца, Х. М. Астрахана, Е. Н. Городецкого, В. Д. Поликарпова, Л. М. Спирина, К. В. Гусева, О. Ф. Соловьева, Д. Л. Голикова и целого ряда других историков) эта книга попросту не могла быть написана. Их материалы (впрочем, как и некоторые собственные, уже изданные работы автора) использованы, как представляется, с необходимой полнотой в тексте самой книги.

Конечно, имеется литература, тематически более связанная с данной работой. Но она очень немногочисленна (книги П. Быкова, М. Касвинова, отдельные статьи), сосредоточена преимущественно на истории последних Романовых, и выделять ее в особый историографический раздел было бы необоснованно. Таковы основные соображения, по которым в этой книге применен хотя и не традиционный, но уже вполне апробированный метод: соединение историографического анализа с конкретно-историческим текстом. Существенную часть источниковой базы составляют материалы (архивные документы, пресса, мемуары, переписка), исходящие из контрреволюционного лагеря.

Глава I

В историческом тупике

В воскресенье, 19 февраля 1917 г., Николай II сообщил дворцовому коменданту генералу В. Н. Воейкову, что на среду, 22 февраля, назначает возвращение в Ставку, в Могилев (он уехал оттуда двумя месяцами ранее, отъезд царя ускорила паническая телеграмма Александры Федоровны об убийстве Г. Распутина). Воейков в осторожной форме решился возразить. Он заметил, что в Петрограде неспокойно. Из департамента полиции поступают весьма тревожные данные о возможных забастовках и демонстрациях рабочих, о новых противоправительственных выступлениях в Думе; в аристократических салонах беспрестанно болтают о каких-то невероятных заговорах против Вырубовой, самой императрицы, о готовящемся дворцовом перевороте. В столь тревожные дни не лучше ли еще задержаться в Царском Селе, как советует министр внутренних дел А. Д. Протопопов и просит императрица?

Все, о чем говорил Воейков, царь хорошо знал. Но сведения, которыми он располагал, были противоречивыми. Наряду с многочисленными предупреждениями о тяжелой, все обостряющейся обстановке, о необходимости пойти на конституционные уступки «общественности», думскому «Прогрессивному блоку» Николай и императрица получали немало верноподданнических заверений от приверженцев черносотенно-монархических организаций в том, что «простой русский народ» – с царем, что «бунтует» и подстрекает главным образом «гнилой» Петербург со своей пресыщенной аристократией и прозападнической интеллигенцией и что спасение не в либеральных уступках, а, напротив, в укреплении традиционной самодержавной власти. Какому из этих двух противоположных советов Николай II мог и должен был следовать? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, мы должны несколько отвлечься. Как заметил один из лучших знатоков внутренней политики царизма периода перед его крушением – В. С. Дякин, «деятельность царского правительства по традиции, унаследованной от буржуазной прессы, часто изображается как лишенный внутренней логики поток случайных и противоречивых мероприятий»⁴. Но можно было бы, пожалуй, сказать и определеннее. Внутренняя политика царизма перед крушением в широко укоренившемся представлении выглядит как результат бездарности царских министров и прежде всего глупости и безволия самого Николая II, оказавшегося во власти своей жены-фанатички и мракобеса Распутина. Где источник такого представления? В. С. Дякин точно указывает его: это буржуазная пресса – и уже одним этим вскрывает пропагандистскую подоплеку такой трактовки, ее прямую связь с классово-политическими целями буржуазно-либеральной оппозиции, а затем и Временного правительства.

Действительно, перед Февральской революцией элементарная и потому вполне доходчивая идея патологической бездарности правительства последнего царя, этой, по выражению А. И. Гучкова, «жалкой, дрянной, слякотной власти»⁵, неплохо служила обоснованию необходимости замены ее другими лицами (естественно, связанными с буржуазной оппозицией). Было бы, конечно, упрощением объяснять все одним только «коварным» пропагандистско-политическим расчетом либерального и фрондирующего лагерей. Нельзя не учитывать общей атмосферы негодования, которое вызывалось тяжелыми поражениями русской армии, экономическими трудностями и неурядицами в стране. Интересно, что впоследствии, в эмиграции, многие из бывших либеральных «гонителей» правительства Николая II признавали, что поддались эмоциям, «переборщили» в своих нападках. Но это, доказывали они, стало ясно

⁴ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 15.

⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо А. И. Гучкова генералу М. В. Алексееву, 15 августа 1916 г.

потом, спустя годы, а тогда, перед революцией, по словам кадета В. А. Оболенского, «ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем – предателями, было всеобщим»⁶.

После Февраля муссирование антиромановской версии еще больше усилилось. Но теперь она «работала» на доказательство завершенности революции и ненужности ее дальнейшего углубления: «бездарное правительство» и «темные силы» устранены, у власти, наконец, «цвет общественных сил» и потому отныне требуется одно: «единодушие», «классовый мир».

Романовско-распутинская тема разрасталась, как снежный ком. К ее нагнетанию подключились бульварные газеты, многочисленные борзописцы, быстро учувшие возможность погреть руки на «сенсациях», потрафлявших мещанскому вкусу. Полился поток невероятных разоблачений «тайн дома Романовых» (сочинения различных Ковылей-бобылей, Труфановых и др.), из которых каждому (даже самому «несознательному») должно было стать ясно, что именно породило революцию в России. Обыватель впитывал их с жадностью, как губка воду: они освобождали его от самостоятельной умственной работы, удовлетворяли жадное любопытство. В. Шкловский, активно участвовавший в политической жизни летом 1917 г., довольно тонко подметил, что распространение литературы с распутинско-романовскими «разоблачениями», этот настоящий пропагандистский психоз, свидетельствовало о «духовном гниении» не только тех, кто этот психоз вызывал, но не в меньшей мере и тех, кто становился его жертвой⁷. Стремление буржуазной пропаганды свести всю борьбу с царизмом только к разоблачению «гнили и маразма» последних Романовых и Распутина было, несомненно, политическим шулерством.

После Октября советская историография, и это закономерно, основное внимание сконцентрировала на истории революции и революционных сил; вместе с тем политические «верхи» (правительство и придворная камарилья) практически ушли из поля зрения исследователей. Между тем в 20-х годах сменовеховские публицисты и близкие к ним популяризаторы продолжали трактовать деятельность царского правительства, Николая II и его окружения «в ключе» предфевральской и послефевральской буржуазной пропаганды⁸.

В последующие годы беллетристика, драматургия, кино закрепили эту традицию (фильм «Конец Романовых», пьеса «Заговор императрицы» и др.). Пожалуй, в крайнем, доведенном до вульгаризации варианте это нашло выражение в «сенсационной» публикации «интимных дневников» А. Вырубовой⁹. Журнал «Историк-марксист» писал тогда, что «опубликование этой литературной подделки... заслуживает самого строгого осуждения не только потому, что «дневник» может посеять заблуждения научного характера, а потому, что пользование этой фальшивкой компрометирует нас в борьбе с уцелевшими сподвижниками и защищаемым ими строем»¹⁰.

Практически лишь в 60-х годах советские историки приступили к фронтальному изучению проблемы крушения царизма. Именно к этому времени относится уже цитированное нами замечание В. С. Дякина о бессосновательности трактовки деятельности царского правительства как некоего потока мероприятий, лишённого внутренней логики. Эту точку зрения разделяли и другие историки, занимавшиеся проблемой истории крушения царизма (Е. Д. Черменский, А. Я. Аврех, В. И. Старцев и др.).

В частности, в советской печати отмечалось, что автор романа-хроники «У последней черты» В. Пикуль сместил акценты в оценке исторического процесса, утратил чувство

⁶ Там же. *Оболенский В. А.* Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. Ч. 2.

⁷ *Шкловский В.* Революция и фронт. Пг., 1921. С. 3.

⁸ См., напр.: *Василевский М. (Не-буква)*. Николай II. Б. м., 1923; *Капторович В. А.* Александра Федоровна: Опыт характеристики. Л., 1927 и др.

⁹ *Минувшие дни*. Ленинград, 1927. Дек.; 1928. Янв. – февр., апр.

¹⁰ *Историк-марксист*. 1928. № 8. С. 172.

меры и «отступил от единственно верного принципа – классового подхода в оценке прошлого»¹¹. Отсутствие специальных исследовательских работ о правящих кругах перед свержением царизма, точнее, о соотношении в системе власти официального правительства и камарильи мешает изживанию искаженных представлений¹².

Великому материалисту Б. Спинозе принадлежит афористическая фраза, обращенная к историкам: «не плакать, не смеяться, а понимать». Упор на деградацию последних Романовых как на фактор, чуть ли не определивший крушение монархии, есть, в сущности, не что иное, как оборотная сторона той части современной литературы, которая изображает Романовых невинной жертвой «разнузданных политических страстей». В одном случае смеются, в другом плачут, но в обоих случаях не хотят даже попытаться понять истоки, масштаб и мощь того исторического вихря, в котором исчезли и царизм, и последние Романовы.

Царствование Николая II совпало с таким периодом, когда историческая судьба России оказалась на перепутье. Две тенденции все явственнее, все напряженнее вели борьбу между собой: тенденция перемен, т. е. тенденция буржуазно-демократического развития, и тенденция «стабильности», т. е. тенденция удержания и сохранения самодержавия. От развязки этой борьбы зависело будущее страны, ее внутреннее и международное положение. У. Черчилль образно и точно определил суть альтернативы. На Николая II, писал он, «легла функция стрелки компаса. Война или нет? Наступление или отступление? Вправо или влево? Демократизировать или не уступать? Изменять или сохранять? Таковы были поля сражений Николая II»¹³.

И невозможно понять позицию царизма, позицию последнего царя, оказавшихся перед труднейшей исторической проблемой, без учета, по крайней мере, трех определяющих факторов: монархической идеологии, сложившейся политической ситуации и в значительной степени личных качеств самого Николая II.

К сожалению, у нас нет работ, суммарно рассматривающих идейно-политическую доктрину монархизма, точнее говоря, самодержавия конца XIX – начала XX в. Обычно она трактуется упрощенно, чаще всего отождествляясь с черносотенством, представлявшим собой ультраправое, экстремистское и весьма одиозное крыло монархизма. Но монархическая идеология возникла задолго до появления Дубровиных, Пуришкевичей и Марковых-вторых и не являлась плодом их погромных умствований. Уже с середины XIX в. она приобрела характер воинствующего ответа на либеральную и революционно-демократическую идеологию и пыталась активно противодействовать им. Ее отправные положения формулировали далеко не бесталанные люди (К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, В. П. Мещерский, К. Н. Леонтьев, С. Ю. Витте и др.).

Политические рекомендации «охранителей» с глубоким вниманием воспринимались «наверху» как в царствование Александра III, так и Николая II. Они требовали от правительства и его главы со всей решимостью «идти вперед» в деле укрепления «традиционной», якобы единственно соответствовавшей духу русского народа власти – самодержавия. Например, в 1906 г. князь Абамелек-Лазарев подал царю обширную записку, в которой «исторически» доказывал, что «благо и будущность России должны оставаться в руках самодержавного царя». Уступки либералам и революционерам, грозил Абамелек-Лазарев, приведут к повторению судьбы Людовика XVI, который «в шесть недель» потерял власть и вверг страну в пучину революции¹⁴. Но «охранители» не были настолько близоруки, чтобы не понимать, что в периоды

¹¹ Пушкарёва И. М. Когда утрачено чувство меры // Лит. Россия. 1979. 27 июля. С. 9.

¹² А. Я. Аврех пишет, что «камарилья – трудный объект для установления закономерностей существования и ее деятельности», но полагает все же, что «факты говорят о торжестве камарильи» (см.: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума, 1912–1914. М., 1981. С. 256, 280).

¹³ Churchill W. The World Crisis. L., 1926. P. 696–697.

¹⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 601 (Николая II Романова). Оп. 1. Д. 1065. Л. 1 – 39.

кризисных ситуаций власть должна уметь лавировать и маневрировать. Однако и вынужденное маневрирование, по их представлениям, не должно было приводить к каким-либо политическим уступкам либеральным и тем более демократическим силам. Его содержанием должно было быть поддержание и сохранение статус-кво. Но только до минования критической ситуации, а затем – снова решительный натиск власти, всех правых сил¹⁵.

Социально-экономическая и политическая ситуация, в которой оказался царизм в начале XX в., как раз являла собой глубочайший кризис. Доказано, что содержанием последнего периода существования царизма в России была напряженная борьба трех классовых лагерей: революционно-демократического, либерального и правительственного.

Революционно-демократический лагерь ставил вопрос о полной ликвидации царизма как главного препятствия на пути социально-экономического развития России. Это был путь революции, путь революционных преобразований. Либеральный лагерь видел выход в утверждении конституционной монархии, в буржуазной демократизации страны. Это был путь предотвращения революции посредством проведения некоторых реформ. Надо признать, что Николай II с порога не отвергал просьб и настояний либеральной оппозиции. Стала почти афористической его фраза о «бессмысленности» либеральных мечтаний и неизбежности «начала самодержавия», которую он произнес в начале своего царствования. Но история мало считается с декларациями даже коронованных особ. Им тоже приходится подчиняться ее диктату. Когда началась грозная пора первой российской революции, Николай II вынужден был пойти даже дальше тех рубежей, за которые, в представлениях идеологов-«охранителей», самодержавие не могло отступить. Статус-кво был поколеблен. С провозглашением манифеста 17 октября, учреждением Государственной думы и других «общественных организаций» самодержавие в своем «первозданном» виде перестало существовать. Возникло нечто вроде «конституционного самодержавия»¹⁶, что-то среднее, промежуточное между самодержавием и конституционной монархией.

Но как только революционная гроза прошла, кризис миновал, отсидевшаяся реакция во главе с царем снова «пошла вперед». В идеале правительственный лагерь хотел бы возвратить самодержавие в тот «неприкосновенный вид, в каком государь (Николай II) получил ее от своих царственных предков», но исторически такое попятное движение уже было невозможно.

Осенью 1915 г. новый, еще более глубокий кризис поразил режим. Война резко усилила революционное движение. Под влиянием этого движения активизировался и либеральный лагерь, политическим штабом которого стал думский «Прогрессивный блок». Выдвигая требование «министерства доверия» (со стороны Думы), блок фактически подготовлял себе плацдарм для продвижения к финальной позиции своей борьбы: к «ответственному министерству» (перед Думой). Как писал впоследствии один из активных деятелей «Прогрессивного блока» – В. В. Шульгин, суть конфликта, который возник между блоком и «коронай», сводилась «к вопросу о назначении министров»¹⁷. Однако этот на первый взгляд простой вопрос являлся вопросом кардинальным, коренным: вопросом о власти. Согласись царь на «министерство доверия» или тем более ответственность министров перед Государственной думой – и «конституционное самодержавие» практически превратилось бы в конституционную монархию, в которой монарх лишь царствует, но не управляет.

Мощный натиск революционных сил и давление либерального лагеря отесняли царизм к его последнему рубежу. Вот тогда-то лихорадочно заметалась «стрелка компаса» Николая II. Вправо или «влево»? Изменять или сохранять? Решение этих вопросов не было и не могло быть делом одного только свободного выбора.

¹⁵ Твардовская В. А. Указ. соч. С. 268.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 305, 306.

¹⁷ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 8.

Николай II, можно сказать, с молоком матери впитал охранительную идеологию, твердую веру в «органичность самодержавного принципа» для России. Поучения Победоносцева, Каткова, князя Мещерского и других идеологов монархизма полностью соответствовали его умонастроению. Из дневников Мещерского, которые давались ему на прочтение, он делал «вдохновлявшие» его выписки, одна из которых, к примеру, гласила: «Как в себе ни зажигать конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия. Оно требует самодержавия, а конец самодержавия есть конец России»¹⁸.

Вообще следует сказать об одной примечательной черте, довольно определенно характеризующей последнее царствование и последних Романовых, но почему-то не замеченной исторической литературой. Обычным для нее являлся поиск указаний на германофильство Николая и Александры Федоровны, в то время как имеется ряд фактов, свидетельствующих об их прямой поддержке «антизападнических», славянофильских тенденций, так называемого «русского самобытничества», широко распространявшегося правыми кругами.

Сохранились интереснейшие воспоминания ответственного чиновника Государственного совета М. В. Шахматова (племянника академика А. А. Шахматова), раскрывающие эту малоизвестную сторону идеологических устремлений Николая II. Шахматов вспоминает, что в 1916 г. статс-секретарь Государственного совета Д. А. Коптев рассказал ему о том, что царя очень интересует «мысль об изгнании иностранных терминов из русского законодательства» и он, Коптев, получил указание заняться их заменой (для «Свода законов») «современными и древнерусскими словами»¹⁹ (интересно, что академик А. А. Шахматов, один из крупнейших знатоков русского языка, не посоветовал своему племяннику «связываться с этим»). Идеалом Николая II был Алексей Михайлович, Петра I он «не почитал». Это, в частности, находило выражение в его личной поддержке всех начинаний, направленных на реставрацию стиля и быта допетровской Руси, что особенно усилилось в канун и в годы Мировой войны. Командант Царского Села, друг Г. Распутина князь М. С. Путятин, говорил Шахматову, что при дворе всерьез рассматриваются вопросы о восстановлении придворных званий эпохи «допетровской Москвы» и о восстановлении, в качестве национального, «московского флага». Под непосредственным покровительством царя в Царском Селе в стиле XVII в. строился Федоровский «государев» собор и так называемый «Федоровский городок», одна из «палат» которого стала штаб-квартирой малоизвестного теперь «Общества возрождения художественной Руси». Сам по себе этот замысел мог служить миссии сохранения исторических традиций, но, оказавшись под контролем придворных кругов и самого царя, с самого начала приобрел сугубо казенное, монархическое содержание. Даже наш мемуарист, человек правых убеждений, очень быстро понял, что руководители Общества (князь А. А. Ширинский-Шахматов, граф А. Бобринский, князь М. С. Путятин и др.) ищут не столько удовлетворения «своему научному и эстетическому увлечению древней Русью», сколько осуществляют «политическую акцию» тех кругов, к которым принадлежат. Действительно, пропагандируя «Москву древнюю, православную», отвергая петровские реформы, искажившие «лик истинной России», и борясь за «возрождение древнерусского православного строя и быта», они стремились поставить препоны на пути любых прогрессивных, демократических преобразований, укрепить «царский престол как средоточие русской самобытности». И вполне естественно, что Николай II поощрял деятельность Общества. В отрицании «европеизма» и приверженности к традициям «патриархальной Руси», как ни странно это может показаться на первый взгляд, царя полностью поддерживала Александра Федоровна. Воспитанная при дворе своей бабки – английской королевы

¹⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 987. Л. 1–3. Подробнее см.: Соловьев О. Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археогр. ежегодник, 1972. М., 1974.

¹⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Шахматов М. В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Февральская революция и Временное правительство. Рукопись. 1927 г.

Виктории, изучавшая философию в Кембридже, она, оказавшись в России, впала в настоящий религиозный фанатизм, характерный для Руси XVI–XVII вв., прониклась несокрушимой верой в «божьих людей», отшельников, схимников и прорицателей. Этим, между прочим, во многом объясняется появление при дворе «божьего человека» Распутина, в котором Николай и особенно Александра Федоровна склонны были видеть символ «верноподданнического простого народа» (другой причиной, по-видимому, была болезнь наследника, которого Распутин пытался лечить знахарскими методами; владение гипнозом сам он отрицал).

Короче говоря, перед своим крушением царизм явно стремился облечься в кафтан XVII в. Этим идеологическим и политическим переодеванием хотели раздуть шовинизм и национализм, которыми реакция рассчитывала подкрепить расшатанные опоры самодержавия.

Николай II твердо верил в то, что самодержавие должно делать ставку на «простой народ», на «мужика», а не на «европеизированную общественность». Годы правления убеждали его, что всякий раз, когда под давлением «общественности» он поступался самодержавным принципом, «выходило плохо». Частичные уступки по линии «либерализации», на которые он шел (октябрьский манифест 1905 г. и др.), не улучшили положения в стране и не укрепили царскую власть. Напротив, они еще больше возбуждали ту же самую «общественность» и некоторые наиболее крайние ее представители становились еще требовательнее. Даже С. Ю. Витте однажды с раздражением заметил, что либералы напоминают ему шахматного игрока, который, выиграв партию, хватается за доску и начинает бить ею своего противника по голове²⁰. Царь вообще считал, что при значительном сдвиге «влево» страна не остановится на «либеральной ступени». Он не раз говорил, что общественные деятели из думского лагеря, придя к власти, не сумеют долго продержаться у нее.

Такую точку зрения разделяли многие правые. Вспомним хотя бы знаменитую «записку Дурново», предсказывавшую в случае войны неизбежность крушения российского либерализма под натиском «анархических», т. е. революционных, сил²¹.

В литературе высказывается мнение, что царизм требовал от буржуазии «полного отказа от каких-либо политических поползновений»²². Но, видимо, это не совсем так. По крайней мере, в годы войны, по мнению царя, не время было возвращаться к тому состоянию, которое существовало до «смуты» 1905 г. «Общественность» в лице своих организаций много помогала царской армии; Государственная дума, хотя и была бельмом на глазу, все-таки потихоньку «выпускала пары» недовольства и раздражения, накопившегося в стране, создавала впечатление «представительности» в глазах западных союзников. Царь сознавал это. Противоречивое, в сущности говоря, неопределенное, неустоявшееся отношение Николая II к так называемым «общественным организациям» (центрам либерально-буржуазной оппозиции) хорошо видно из двух его собственноручных резолюций. В январе 1917 г. ему была подана записка «русских православных людей» г. Киева, требовавшая принятия решительных мер против «кадетско-еврейских, интеллигентских кругов», которые под руководством Государственной думы «дискредитируют порядок, действуют в противоположность политическим идеалам коренного народа». «Все несогласные, – настаивали авторы записки, – должны умолкнуть», все «общественные организации» должны быть взяты под строгий правительственный контроль. Прочитав записку, Николай II направил ее премьер-министру Голицыну с резолюцией: «Записка, достойная внимания»²³. Казалось бы, все ясно. Но примерно в то же время на записке черно-

²⁰ Возрождение. Париж, 1926. 12 авг.

²¹ Былое. Петроград, 1922. Т. 19; Красная новь. Петроград, 1922. Т. 6.

²² Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 251.

²³ ЦГАОР СССР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1–7.

сотенца Н. Н. Тихановича, в которой предлагалось ужесточить правительственный курс, Николай написал: «Во время войны общественные организации трогать нельзя»²⁴.

Впоследствии, размышляя о ситуации, в которую был поставлен последний русский царь, некоторые эмигрантские историки и публицисты характеризовали ее как «межумочную». Журналист И. Кольшко писал: «... потеряв внешние атрибуты самодержавия (акт 17 октября), но не порвав с ним внутренне, Николай II повис между этими двумя идеалами...»²⁵ Действительно, режим практически находился в состоянии неустойчивого равновесия: любое неосторожное прикосновение к нему с любой стороны – слева или справа – могло толкнуть его вниз. В «верхах», по-видимому, это сознавали. Государственную думу, в которой видели главный элемент «дестабилизации» и которую стремились «урезать», «обкорнать», «привести к послушанию» и т. п., все-таки вынуждены были терпеть как ставшую чем-то органическим в системе царского режима. В проекте манифеста о роспуске IV Государственной думы (январь 1917 г.) она обвинялась в том, что «вновь уклонилась в область политических стремлений... вступила в борьбу за власть с правительством». «России, – вещал манифест, – нужны не речи, смущающие народную душу и расшатывающие нашу государственность, а созидательная работа, укрепляющая государственный порядок». Исходя из такой установки, признавалось «за благо» распустить IV Думу, но назначить на декабрь 1917 г. выборы в новую Думу²⁶.

В целом правительственный курс в последний период перед Февралем 1917 г. можно, вероятно, оценить как попытку политического маневрирования между реакцией и буржуазно-дворянской оппозицией с осторожным сдвигом, сползанием в сторону реакции. Но сдвиг этот делался не столько в расчете на укрепление позиций самодержавного режима именно в данный момент, сколько на то, что легче будет укрепить эти позиции в будущем. В такую оценку, как нам кажется, вписывается даже знаменитая «министерская чехарда», которая обычно рассматривается в качестве сильнейшего аргумента в пользу тотального «разложения царизма». Лишь в какой-то степени это, вероятно, было так, но конкретный анализ процесса «чехарды» обнаруживает в ней вполне определенную политическую тенденцию: министры менялись и тасовались с явным расчетом на «умиротворение» не только правых элементов, но также и думской оппозиции. Расчет на то, что новый кандидат сумеет лучше наладить контакт с Думой, почти всегда присутствовал при очередном назначении. Как бы там ни было, Николай II так и не решился на проведение чего-то вроде «контрреформ», которые свели бы на нет вынужденные нововведения периода первой российской революции, превратившие самодержавие в «самодержавие конституционное». Выждать, выиграть время до конца войны – это было главным. Победа, считал Николай II, поднимет патриотический дух, изменит положение, тогда и придет час нужных ему решений.

В этой связи заслуживает внимания письмо бывшего премьер-министра А. Ф. Трепова, опубликованное белоэмигрантской газетой «Новое время» (Белград) 20 апреля 1924 г. Трепов так характеризует политический курс царя, очерченный ему, Трепову, самим Николаем II в январе 1917 г.: Николай не считал возможным проведение каких-либо реформ до конца войны. Он утверждал, что «русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет» и что «только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений» ради осуществления чуждых народу собственных «вожделений». Поэтому, если эти группы не прекратят своих «подстрекательств», их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». Однако по окончании войны Николай «не отвергнет» реформ, которые «удовлетворят интересы подлинного народа...»

²⁴ Цит. по: Мельгунов С. П. На пути к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 203.

²⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Кольшко И. И. Закат царизма. Николай II. Рукопись. 1931 г.

²⁶ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1–2.

Не совсем правильно было бы считать, что такой курс, проводимый царизмом, являлся исключительно итогом трезвого политического анализа. Надо иметь в виду, что сама натура, сам характер Николая II удивительным образом гармонировали с таким курсом. О Николае II написано немало. Многочисленные свидетельства, исходящие из разных политических лагерей, содержат порой диаметрально противоположные оценки, часто противоречат друг другу. Высказывались даже мнения, что он – некий «сфинкс XX в.».

По словам поэта Андрея Вознесенского, «какое время на дворе, таков мессия». Эпохе заката царизма соответствовал царь, характер которого рассмотреть действительно нелегко: это был скрытный человек, в совершенстве владевший искусством не выдавать своих чувств и мыслей. Многим это казалось «страшным, трагическим безразличием»²⁷. Другие видели в нем безволие, слабость характера, которые он тщательно старался замаскировать. Царь почти никогда не проявлял своей «царской воли»: не стучал кулаком по столу, не третировал министров и генералов и т. п. Он был хорошо воспитан и умел «очаровывать». Но если, писал хорошо знавший его генерал В. Гурко, он «и не умел повелевать другими, то собой он, наоборот, владел в полной степени»²⁸. «Стойко, – пишет Гурко, – продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям»²⁹. Переубедить царя, навязать несвойственный ему образ мыслей было практически невозможно³⁰. Версии, согласно которым Николай II будто бы находился под безраздельным диктатом Распутина и еще более жены – Александры Федоровны, ничем не обоснованы. Наоборот, имеются некоторые данные, свидетельствующие о весьма скептическом отношении царя к Распутину. Было бы, вероятно, правильнее сказать, что он терпел его, считаясь в основном с истерическим характером своей супруги, твердо веровавшей в «благостность» «нашего друга». Умел Николай II осторожно освобождаться и от слишком назойливого давления самой Александры Федоровны, если оно расходилось с его замыслами и намерениями.

Здесь уместно коснуться роли Распутина вообще. В получившей немалую популярность книге М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» задается вопрос: «Участвовал ли Распутин в управлении Российской империей? Какова была степень его причастности к государственным делам?» И дается ответ: «Неопровержимые факты свидетельствуют, что Распутин ездил в Царское Село как главный государственный консультант, как великий визирь, как член негласного императорского триумvirата»³¹.

Вот, пожалуй, пример полного игнорирования «массовой литературой» тех заключений, к которым пришла историческая наука! Почти все историки, изучавшие «распутинский сюжет», приходят к выводу о том, что «влияние Распутина преувеличивалось, роль Распутина раздувалась»³², что Распутин «никакой политики не делал и не мог делать»³³, что «буржуазная литература выдвигала Распутина, чтобы свалить на него вину за разложение верхов»³⁴, что «значение Распутина преувеличено»³⁵, что царь «черпал поддержку своего политического курса не у Распутина, а у всей правой группы»³⁶ и т. п. И все же представление о Распутине как подлинном правителе России перед Февралем 1917 г. живет...

²⁷ Волконский С. Мои воспоминания. Мюнхен, 1923. Т. 2. С. 160–162.

²⁸ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 12.

²⁹ Там же. С. 23–24.

³⁰ Там же. С. 11, 25.

³¹ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 222.

³² Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 67.

³³ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение самодержавия в России. М., 1976. С. 236.

³⁴ Миц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 291.

³⁵ Спирин Л. М. Крушение буржуазных и помещичьих партий в России. М. 1977. С. 221.

³⁶ Пушкарева И. М. Февральская революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 107.

Выше мы уже писали об истоках подобного рода утверждений. В предфевральский период Распутин стал весьма удобной и выгодной мишенью в политической игре оппозиции. Его чудовищный аморализм, факты безобразного поведения были теми сенсациями, которые буржуазно-либеральная и монархическая оппозиции умело использовали в целях политической компрометации Романовых.

Имеется, как нам кажется, весьма интересное свидетельство, подтверждающее это. В январе 1930 г. английский «россиевед» Б. Пэйрс (до революции он неоднократно бывал в России и имел тесные связи в либеральных кругах) отправил из Лондона письмо А. И. Гучкову в Париж. В нем он сообщал, что готовит к изданию свои «русские мемуары», и в связи с этим просил Гучкова «дать подтверждения по некоторым вопросам». Особенно его интересовал разговор, который они (Пэйрс и Гучков) вели на балконе тучковской квартиры на Фурштаттской улице летом 1916 г. Как писал Пэйрс, он тогда передал, Гучкову мнение английского посла Дж. Бьюкенена, который советовал «людям Думы» продумать какой-либо «практический вопрос» и выдвинуть его в качестве главного в конфронтации с правительством. «Вы тогда сказали, – напоминал Пэйрс, – что для вас таким вопросом является Распутин, и весьма взволнованно говорили об этом весь вечер...»³⁷

По мере обострения конфликта в верхах «распутииский феномен» все более гипертрофировался. Лицо Распутина, с глубоко запавшими глазами и неопрятной бородой, казалось, прочно вплелось в императорский герб с двуглавым орлом. «Россия под хлыстом!» – этот каламбур, намекавший на необъятную власть Распутина, которого подозревали в принадлежности к секте хлыстов, был известен в самых широких кругах. В правительственных и проправительственных кругах хорошо понимали политическую подоплеку антираспутинской кампании. В записке, направленной на «высочайшее имя» по поводу публикации в газете «Русская воля» «возмутительных статей об отце Григории», отмечалось: «Эта газетная кампания при настоящих условиях русской политической жизни приобретает особо важное значение и указывает на стремление создать искусственным путем... антидинастическое движение» (последние два слова Николай II подчеркнул при чтении)³⁸. Но, конечно, вся эта «распутиниада» вряд ли приобрела бы такой масштаб, если бы держалась только на одном сугубо «политическом корне». Как появление и пребывание Распутина при дворе, так и антираспутинская кампания, в сущности, имели одну – некую психопатологическую – основу. Если Романовы видели в Распутине «спасителя» и «целителя», то «общественность» видела в нем же ярчайший симптом разложения критикуемого ею строя. Выходило, что Распутин был нужен всем, что конфронтующие стороны «хватались» за Распутина и тянули его каждый к себе. «Общественность» не только верила во всецеление Распутина, но упорно хотела в это верить, все более возбуждая и разжигая себя. Один из наблюдательных мемуаристов довольно тонко заметил, что если бы исчез Распутин, вместе с ним «исчезла бы для тогдашнего общества наиболее заманчивая, волнующая сторона жизни...» и оно бы создало нового «героя и окружило бы его тем же усиленным вниманием и тем же любопытством»³⁹.

Никакой собственной политической линии Г. Распутин не проводил, да и не мог проводить. Не было абсолютно подавляющим и его влияние на Николая II. Распутин, скорее всего, немало преуспел в ином: сам черносотенец, он умело «улавливал» черносотенные склонности и желания «царствующих особ» и довольно тонко подыгрывал им. Этим умело пользовались другие «оборотистые» лица либо для проведения в жизнь своих политических планов, направленных на укрепление самодержавия, либо по большей части в карьеристских и других небла-

³⁷ ЦГАОР СССР. Коллекция. Письмо Б. Пэйрса А. И. Гучкову, 27 января 1930 г.

³⁸ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1000. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Коллекция. Мордвинов А. А. Из пережитого. Ч. 3: Отречение государя. Жизнь в царской Ставке без царя. Рукопись. Гарц, 1921 г.

говидных целях. Распутин, таким образом, был скорее проводником определенных влияний на «носителей власти», но характер и размер этих влияний ни в коем случае не следует доводить до общегосударственных масштабов. Остается фактом, что Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, занимавшаяся выявлением так называемых «безответственных влияний», влияний «темных сил», в том числе и Распутина, не получила сколь-нибудь впечатляющих результатов⁴⁰. «Безответственные влияния» не были чем-то инородным, менявшим природу самодержавия. В большей или меньшей степени они существовали всегда как неотъемлемые спутники всякого режима личной власти. Распутин, может быть, свидетельствовал не столько против последних Романовых лично, сколько против всей той среды, которую порождал царизм, и которая не гнушалась даже самыми подлыми средствами для достижения своих корыстных целей. Распутин в своей действительной ипостаси «нужного человека» у «паперти власти» был детищем ее рук, ее творением. В результате сама же эта среда давала буржуазно-либеральной оппозиции прекрасный материал для компрометации Романовых и монархии вообще. В. В. Шульгин в «Днях» со свойственной ему живостью языка обрисовал эту парадоксальную ситуацию. Некий его собеседник, «близкий к трону», так характеризовал место и роль Распутина: «Всё, что говорят, будто он влияет на назначения министров, – вздор: дело совсем не в этом... Я Вам говорю, Шульгин, сволочь – мы! И левые (имеется в виду буржуазная оппозиция. – Г.И.), и правые. Левые потому, что они пользуются Распутиным, чтобы клеветать, правые, т. е. прохвосты из правых, потому, что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его каракули... А в общем, плохо!»⁴¹ Единственным настоящим неопровержимым фактом, решительно ставящим под сомнение особую «государственную роль» Распутина в системе власти, является то, что и после того, как он был убит, абсолютно ничего не изменилось в политике царизма и лично Николая II. И если бросить общий взгляд на все царствование Николая II, можно, пожалуй, согласиться с замечанием его флигель-адъютанта полковника А. Мордвинова, которое, на наш взгляд, верно определяет главную черту характера последнего царя и которое как-то ускользнуло от внимания историков. Мордвинков обратил внимание на тот факт, что Николай на протяжении почти всего царствования испытывал сильнейшее давление тех сил, которые требовали «конституции», «ответственного министерства». И что же? «Они все же не смутили вплоть до собственного отречения «слабого», «вечно колеблющегося», «действовавшего по чужой указке» императора Николая II... Это доказывает... глубокую продуманность и верность его политических убеждений»⁴².

Но поставим теперь вопрос: насколько перспективным мог быть курс поддержания статус-кво, курс маневрирования, проводимый царизмом? Совершенно очевидно, что уход от решения проблем, в конечном счете, был способен лишь обострить их. Чем дольше царское правительство оттягивало проведение тех или иных реформ, призванных модернизировать режим, тем более увеличивалась пропасть между ним и социально-экономическими потребностями развития страны. В результате для преодоления этой пропасти требовались все более решительные, все более радикальные меры, на которые царизм был еще менее способен. Возможности для политического маневрирования режима, таким образом, неуклонно сокращались; превращаясь в анахронизм, он все больше и больше попадал в тупиковую ситуацию⁴³. Для «власть предержащих» она вела к изоляции, вернее, может быть, сказать – к самоизоляции, ибо отказ от реформ, да и вообще от каких-либо определенных шагов, «топтанье на месте» усиливали недовольство как «слева», так и некоторых кругов правого лагеря. Это обстоятельство, в свою очередь, определяло одну примечательную черту последнего царствования,

⁴⁰ Там же. Мордвинков А. А. Каким я знал моего государя и каким знали его другие: Воспоминания о Николае II.

⁴¹ Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 109–110. Сходную оценку дает В. Гурко (Указ. соч. С. 98).

⁴² ЦГАОР СССР. Коллекция. Мордвинков А. А. Каким я знал моего государя и каким знали его другие.

⁴³ Подробнее см.: Кризис самодержавия в России. С. 5; см. также: История СССР. 1985. № 5. С. 162.

а именно усиливавшуюся тенденцию к «вотчинному управлению», особенно явно выражавшуюся в сугубо частном, «приватном» подборе придворных и людей для аппарата власти. Все более четким становилось деление (выражение Александры Федоровны) на «наших» и «не наших», преимущественно по критерию личной симпатии и преданности. Естественно, что роль «наших», составлявших все более узкую группу (камарилью), возрастала, а вместе с этим в какой-то степени росла и роль пресловутого Г. Распутина как одного из главных «сортировщиков» на «наших» и «не наших». Действительно, некоторые лица, поднимавшиеся «наверх», предварительно проходили, как тогда говорили, «через переднюю» Распутина. И все же она никогда не была столь широкой, как это запечатлелось в расхожем представлении.

Тем не менее, расширение масштабов «вотчинного управления» приводило к тому, что «к престолу» по большей части пробивались люди, мягко говоря, лишённые твердых политических и моральных принципов, но занесенные в разряд «наших». Это были, как правило, люди «сегодняшнего дня». Они считали, что нужно «ловить момент», ибо совершенно неизвестно, что сулит день грядущий. Очень интересны в этом отношении наблюдения А. Блока, который работал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, занимавшейся расследованием деятельности министров и других высших чинов свергнутого царизма. А. Блок был поражен ничтожеством и безыдейностью большинства из них⁴⁴. Вообще атмосфера «сегодняшнего дня» с характерными для нее мистицизмом, аморализмом, стремлением к наживе была особенно свойственна последнему периоду существования царизма. Распутин являл собой один из ее симптомов.

Политическая и моральная «осада», в которую все больше уходили, последние Романовы и их ближайшее окружение, порождала в них чувство обреченности. Царица в последние годы была явно нервно больным человеком. На этот счет есть прямые свидетельства близко знавших ее, в том числе и личного врача С. П. Боткина. Начал сдавать и физически крепкий царь. Бывший премьер-министр В. Н. Коковцов позднее вспоминал о своей последней встрече с Николаем II в январе 1917 г.: «За целый год, что я не видел его, он стал просто неузнаваем: лицо страшно исхудало, осунулось и было испещрено мелкими морщинами. Глаза... совершенно выцвели и как-то беспомощно передвигались с предмета на предмет...» Коковцов спросил Николая о самочувствии, но тот ответил, что он «бодр и здоров»⁴⁵.

Что-то верно подмеченное есть в политическом и «личностном» портрете последнего царя, нарисованном журналистом И. Кольшко: «Так, переступая с ноги на ногу, переваливаясь с боку на бок, то цепляясь за призрак самодержавия, то бросая корону к ногам Гучкова, то опасаясь истерики жены, то глядя в лицо смерти... брел он, как сомнамбул, навстречу своему року...»⁴⁶

Итак, курс выжидания и лавирования, который проводили Николай II и его правительство, с одной стороны, властно диктовался всей политической ситуацией, а с другой – столь же властно заводил режим в исторический тупик. Был ли все-таки выход из него?

Окажись царизм один на один с либеральным лагерем, он бы, возможно, мог удержаться с теми или иными изменениями: ведь либеральная оппозиция, смертельно боявшаяся революции, искала компромисса с царизмом. Но в России имелась сила, обладавшая непоколебимой решимостью покончить с самодержавием: революционный лагерь. В то самое время, когда правительственный и либеральный лагеря совершали сложные политические маневры, имевшие целью укрепить и расширить их позиции в обострявшемся между ними верхушечном конфликте, революционные массы нанесли царизму сокрушительный удар.

⁴⁴ Иоффе Г. З. А. Блок – историк крушения царизма // История и историки: Историогр. ежегодник. М., 1982. С. 176–195.

⁴⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 2. С. 402.

⁴⁶ ЦГАОР СССР. Коллекция. Кольшко И. И. Закат царизма.

Глава II

Крушение царизма

27 февраля революция в Петрограде победила. Это нашло широкое освещение в исторической литературе⁴⁷. Но ход событий между 27 февраля и 3 марта, событий, связанных главным образом с борьбой царских властей против революции, в традиционном представлении не столь полон и отчетлив. Скоротечность Февральской революции, поразительно быстрое крушение царизма явно заслоняют его контрреволюционные усилия в этот период...

Уже 23 февраля для разгона рабочих демонстраций в Петрограде применялись конная и пешая полиция, жандармерия и отдельные кавалерийские части. Правда, огнестрельное оружие пока в ход не пускалось. Как городские власти, так и находившаяся в Царском Селе императрица были вполне уверены, что они контролируют ситуацию. Александра Федоровна писала царю в Ставку, что беспорядки не имеют серьезного, значения и положение «в руках Хабалова»⁴⁸. На следующий день, 24 февраля, войска стали оцеплять мосты, занимать главные перекрестки улиц, чтобы изолировать демонстрации и блокировать подступ к центру города. 25 февраля столкновения между силами революции и «силами порядка» участились, появились раненые и убитые.

А что происходило в Думе? Дебаты, ведшиеся здесь 23–25 февраля, были связаны преимущественно с продовольственным вопросом, который, правда, главным образом левыми депутатами, использовался для критики правительства. Раздавались голоса о необходимости реорганизации последнего. Но даже самые резкие из них звучали в основном в тоне предостерегающей просьбы: необходимо удовлетворить требование «общественности» раньше, чем оно, по словам кадета Ф. И. Родичева, «раздастся из истерзанной груди всего русского народа»⁴⁹. В качестве первой меры «примирительного» характера правительство выразило согласие (утром 25 февраля) на передачу снабжения населения продовольствием органам городского управления. В «Прогрессивном блоке» придавали этому акту большое значение, рассматривая его с точки зрения дальнейшего усиления позиций «общественности» в ее конфронтации с царизмом.

В ночь с 25 на 26 февраля Совет министров под влиянием непрерывно расширявшейся забастовки рабочих (она уже стала всеобщей) решил детальнее обсудить положение совместно с военными властями, во главе которых стоял командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов. На состоявшемся совещании он и министр внутренних дел А. Д. Протопопов продолжали уверять, что смогут разгромить массовое движение вооруженной силой, но Протопопов пошел дальше: предложил распустить Думу. Однако Совет министров, не отвергая карательных мер воздействия, в то же время по-прежнему искал путей соглашения с думским «Прогрессивным блоком».

Министру иностранных дел Н. Н. Покровскому и министру земледелия А. А. Риттиху поручили начать переговоры с некоторыми лидерами партий, входивших в блок, выяснив их намерения. По свидетельству кадета В. А. Маклакова, правительству со стороны думцев была предложена примерно следующая программа: кабинет Голицына подает в отставку, назначается новый премьер – «популярный в стране» (конкретно речь шла о генерале Алексееве). Он

⁴⁷ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; *Он же*. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971; Миц И. И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979; и др.

⁴⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. М.-Л., 1927. Т. 5. С. 214–215.

⁴⁹ Цит. по: Сломский А. Г. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975. С. 203; см. также: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 277–291.

формирует правительство «по своему усмотрению», причем на все время формирования (примерно три дня) заседания Думы прекращаются. В правительство вводятся не «общественные деятели», а «умные и популярные» представители «бюрократии», склонные к компромиссу с Думой (такие, как В. Н. Коковцов, С. Д. Сазонов, А. Н. Наумов и др.). Речь, таким образом, шла об осуществлении либеральной мечты: сформировании «министерства доверия» (даже не «ответственного министерства»). Посланцы правительства Голицына были несколько удивлены скромностью думских претензий и заявили, что все это вполне «приемлемо»⁵⁰.

Однако в этот день (26 февраля) стало казаться, что положение уже меняется в пользу царского правительства. Еще вечером накануне (а по другим данным, утром 26 февраля) генерал Хабалов, поддерживавший связь со Ставкой, получил оттуда повеление «завтра же прекратить в столице беспорядки». По существу, этот приказ означал решительный запрет заигрывания с Думой и переход к курсу «кнута», причем «кнут» должен был ударить не только по забастовщикам и демонстрантам, но косвенно и по Думе. Когда 26-го Родзянко явился к премьер-министру Голицыну и стал убеждать его уйти в отставку, тот неожиданно заявил: «Вы хотите, чтобы я ушел, а Вы знаете, что у меня в папке?» И премьер показал председателю Думы царский указ о роспуске Думы, подписанный еще 13 февраля. Дату роспуска Голицын мог проставить сам. 26 февраля войска начали стрелять в народ согласно инструкции, данной Хабаловым: «Если толпа наступает, открывать по ней огонь после трехкратного сигнала, в остальных случаях действовать кавалерией». К вечеру 26 февраля стало казаться, что революция пошла на убыль. И правительство Голицына, решив (на основании указа царя), что пора от обороны переходить в наступление, в ночь на 27 февраля прервало «занятия» Государственной думы до апреля текущего года в «зависимости от чрезвычайных обстоятельств».

Когда 27 февраля Маклаков снесся с правительством, чтобы выяснить судьбу своей программы, ему ответили, что окончательное суждение правительство будет иметь в среду, т. е. 1 марта. Маклаков не понимал: может быть, это шутка? «Вы знаете, что теперь происходит? – спросил он.

– Что же?

– Войска взбунтовались!»

Ему ответили, что правительство об этом ничего не знает. «Так с вами больше не о чем разговаривать!» – бросил Маклаков.

Таким образом, можно предположить, что царская директива о «прекращении беспорядков», отданная между 25 и 26 февраля, положила конец переговорам правительства с Думой и поставила в порядок дня «штык». Но больше Совет министров уже не собирался. Один из мемуаристов (чиновник Государственного совета, так же как и правительство помещавшегося в Мариинском дворце, М. В. Шахматов) оставил довольно яркую картину конца последнего царского правительства, которую он наблюдал сам... Распахнулись настежь двери зала Совета министров, из которого быстрыми шагами вышел премьер-министр Н. Д. Голицын. «Он тревожно озирался по сторонам, кусал свои длинные седые усы». После него вышел министр юстиции Добровольский и остановился «как вкопанный» в полутемной комнате между круглым залом и залом Совета министров. «Метеором промчался» министр внутренних дел А. Д. Протопопов, подошел к окну и, взглядываясь в море людей на площади, «схватил себя за волосы в отчаянии», махнул рукой и пошел быстрыми шагами обратно. Другие министры выходили «растерянно, суетливо...»⁵¹

Позднее, после того как революция победила, в либеральных кругах довольно активно начали создавать легенду, будто в ответ на указ царя о роспуске, Дума не подчинилась, поста-

⁵⁰ Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 279–280.

⁵¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Шахматов М. В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда: Февральская революция и Временное правительство. Рукопись. 1927 г.

новила не расходиться и тем совершила некий революционный акт, означавший начало ликвидации царской власти и переход к новой власти – власти так называемой «общественности». На самом деле произошло иное: решено было считать Думу «нефункционирующей», но думским депутатам собраться «на частное совещание». Этот шаг, строго говоря, содержал в себе два начала. С одной стороны, тут была очевидная покорность царской воле, с другой – все же некий элемент неподчинения, скорее, даже намек на него. Чем это объясняется? Ведь к концу дня 26 февраля стало создаваться впечатление, что революционные выступления в Петрограде пошли на убыль и власти берут контроль над положением в свои руки. Причина заключалась в том, что на другой день, 27 февраля, положение вновь изменилось: революция получила новый мощный импульс в результате того, что на сторону восставших рабочих стали переходить войска. Правительственные власти в столице, действуя согласно царской инструкции, по-прежнему пытались силой справиться с неожиданной для них новой революционной вспышкой. Однако с каждым часом становилось яснее, что революцию не остановить...

Полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. П. Кутепов, в дни революции находившийся в Петрограде в отпуске и утром 27 февраля срочно вызванный в градоначальство, наблюдал там следующую картину: «Все они (т. е. находившиеся в градоначальстве представители гражданских и военных властей. – Г.И.) были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала челюсть»⁵². Хабалов сразу «схватился» за Кутепова: вся предыдущая и последующая биография того не оставляет ни малейшего сомнения в его «боевой прочности». Фронтовик, корниловец, в годы гражданской войны он зарекомендовал себя как один из беспощаднейших белогвардейских начальников. После бегства врангелевской армии из Крыма Кутепов как командир корпуса, расположившегося на Галлиполи, драконовскими порядками поддерживал его «боевой дух».

На протяжении 20-х годов он являлся одним из руководителей монархического «Российского общевойскового союза» (РОВС) и главой его боевой организации, вплоть до своего исчезновения в 1930 г. вел ожесточенную борьбу против Советской страны, используя методы шпионажа, провокаций и террора.

Но все это будет потом. А когда утром 27 февраля генерал Хабалов принял решение сформировать ударный карательный отряд, во главе он поставил Кутепова, по его аттестации, «храброго и решительного офицера»⁵³. Кутепову было приказано потребовать от восставших сложить оружие, «а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них»⁵⁴.

Сам Кутепов заявил, что он не остановится перед расстрелом восставших рабочих и солдат. Его отряд насчитывал более 1 тыс. человек пехоты и кавалеристов, имевших на вооружении 15 пулеметов. Предполагалось также сформировать резервный отряд под командованием полковника князя Аргутинского-Долгорукова и часть его направить в поддержку Кутепова⁵⁵. Это была серьезная сила, в руках решительного боевого командира способная нанести тяжелый удар по вооруженным рабочим, а также плохо вооруженным, недостаточно обученным и к тому же оставшимся без офицеров солдатам Петроградского гарнизона⁵⁶. Но даже после революции, рассказывая в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о движении и действиях отряда Кутепова, Хабалов никак не мог понять, почему же этого не произошло. «Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное! – с нескрываемым удивлением говорил он. – А именно: отряд двинут – двинут с храбрым офицером, решительным.

⁵² Генерал Кутепов: Сб. ст. Париж, 1934. С. 161.

⁵³ Падение царского режима. Л., 1924. Т. 1. С. 198.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 200.

⁵⁶ *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 6 – 22.

Но как-то ушел, а результатов нет... Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу в угол к Неве, к Таврическому саду. А тут: ни да, ни нет!»⁵⁷

Что же случилось с отрядом Кутепова? Он начал действовать весьма энергично, расстреливая восставших на Литейном проспекте, на Сергеевской улице, в районе Орудийного завода и в других местах. Но все было тщетно. Огромный район, где действовал Кутепов, был буквально затоплен народом, в колышущейся массе которого «тонули» кутеповские каратели. «Когда я вышел на улицу, – вспоминал Кутепов, – было уже темно и весь Литейный проспект был затоплен толпой, которая хлынула со всех переулков... Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может. Я вошел в дом, приказав закрыть двери»⁵⁸.

Еще не зная об окончательной судьбе отряда Кутепова, не получая от него донесений, но, возможно, догадываясь о ней, к концу дня 27 февраля Хабалов предпринял новую попытку сколотить карательную группу для подавления революции – стянуть «возможный резерв» на Дворцовую площадь, «чтобы на Выборгской стороне рассеять толпу и открыть дорогу к источникам боевых запасов». Некоторые части явились на Дворцовую площадь, но скоро выяснилось, что и «на них рассчитывать нельзя». К вечеру 27-го, как показывал генерал Хабалов на допросе, «вопрос пошел об обороне – о том, чтобы удержаться!»⁵⁹ По-видимому, тогда Хабалов вспомнил о тех силах, которые находились в Измайловских казармах и на которые, по его мнению, еще можно было положиться. Мы подробнее остановимся на второй попытке Хабалова противостоять революции, так как она менее известна.

Сохранились интересные воспоминания двух полковников запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка – П. В. Данильченко (командира батальона)⁶⁰ и Б. В. Фомина (его заместителя)⁶¹ об этой попытке. Мемуары Фомина частично использовал только Э. Н. Бурджалов, мемуары же Данильченко пока не введены в научный оборот. Между тем они существенно дополняют (и в чем-то корректируют) картину февральских событий в Петрограде. К тому же эти мемуары (особенно Фомина) написаны людьми, владевшими пером. Иногда мемуаристам удается создать почти полный эффект присутствия читателя при совершившихся событиях...

Между 6 и 7 часами вечера 27 февраля заменявший командира запасных батальонов гвардейских полков генерал-майора Чебыкина (перед самой революцией он убыл на лечение в Кисловодск) полковник Павленков (командир запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка) сообщил в штаб измайловцев, что он себя плохо чувствует, заболевает (у него была грудная жаба) и, по-видимому, передаст командование полковнику Михайличенко – командиру запасного батальона Московского полка. Но пока он еще не ушел, сообщает распоряжение генерала Хабалова: поскольку Измайловский батальон – единственная часть, «оставшаяся в руках начальства», Данильченко должен срочно сформировать отряд и, придав ему «кавалерию Ржевского и артиллерию, находящуюся в Измайловских казармах, привести этот отряд в градоначальство (Гороховая, 2. – Г.И.), где находится командующий округом»⁶².

⁵⁷ Падение царского режима. Т. 1. С. 198–199.

⁵⁸ Генерал Кутепов. С. 169; см. также: Русское слово. Харбин, 1934. 19, 20 апр.

⁵⁹ Падение царского режима. Т. 1. С. 230–231.

⁶⁰ Данильченко П. Для истории государства Российского//Военная быль. Париж, 1974, № 126.

⁶¹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда, находившегося в распоряжении старого правительства в дни Февральской революции в Петрограде, 1922 г.

⁶² Данильченко П. Указ соч. С. 6.

Б. Фомин пишет, что для них это было прямо-таки «спасительное распоряжение». Удерживать солдат от «соприкосновения с революционной анархией» становилось все труднее, и он, Фомин, советовал Данильченко «уходить» из казарм как можно быстрее: «иначе будет хуже!»⁶³

Роты вышли примерно в 8 часов вечера. Ими командовали капитаны Есимантовский, Окулич и Гаскет. Всем отрядом (в составе 3 рот) командовал Фомин. Кавалерия подполковника Ржевского должна была следовать в хвосте колонны, а артиллерийские батареи решили поставить между 2-й и 3-й ротами. Данильченко пишет, что он не знал артиллерийского командира. Помнит только, что он находился верхом на лошади, так как одна нога у него была ампутирована, и что фамилия его как будто специально придуманная: Потехин.

Когда все уже было готово к движению, пришла новая телефонограмма Павленкова: идти не в градоначальство, а в Адмиралтейство, так как Хабалов и его штаб уже перебрались туда. Хабалов впоследствии показывал, что переход в Адмиралтейство произошел по его предложению. Он исходил из того, что отсюда можно «обстреливать три улицы: Вознесенский проспект, Гороховую и Невский проспект, т. е. подступы от трех вокзалов»⁶⁴.

Между тем Измайловский проспект заполнился революционными рабочими и солдатами. Настроение их было приподнятым, боевым. Где-то играл военный духовой оркестр. Измайловские офицеры боялись, что кавалерийский эскадрон и артиллерийские батареи не сумеют «пробиться» к пехоте и занять отведенные им места. И действительно, прибежавший подполковник Ржевский сообщил, что к ним во двор казармы ворвалась толпа солдат, не давала седлать лошадей. Все же кавалерия «пробилась» (артиллерия догнала отряд уже в пути).

Двинулись окольным путем, чтобы избежать возможных столкновений с «засадами» на Садовой: через Измайловский мост, по набережной Фонтанки, Никольским переулком, Екатерининским проспектом, улицей Гоголя; через Поцелуев мост вышли на Благовещенскую улицу, затем по Галерной улице и Сенатской площади – на Адмиралтейский проезд.

Было уже совсем темно. Улицы почти не освещались, и люди встречались редко. Только у Мариинского театра колонну неожиданно обстреляли «редким огнем». У Поцелуева моста встретила группа вооруженных рабочих. Они шли четким строем и, когда увидели измайловцев, «взяли штыки наперевес»⁶⁵. Но и те, и другие предпочли разойтись мирно...

Очертания Адмиралтейства тонули в темноте. У входа и в самом здании попадались небольшие группки солдат запасного батальона лейб-гвардии Кексгольмского полка. Как они оказались здесь – никто не знал, но было видно, что положиться на них уже невозможно. Навстречу Данильченко и Фомину вышел генерал, одетый в форму лейб-гвардии Павловского полка. Им оказался генерал-квартирмейстер управления Генерального штаба Занкевич. Теперь уже он командовал запасными батальонами Петрограда. Несчастливый для царского правительства пост: сначала на этом посту заболел Чебыкин, затем Павленков, куда-то исчез Михайличенко...

Как свидетельствует Данильченко, Занкевич тут же приказал «разбросать» орудия, направив большую часть их в разные места города. Недовольный Данильченко пошел жаловаться Хабалову, и тот отменил приказ Занкевича.

Когда измайловцы вошли внутрь здания, выяснилось, что там уже находится какое-то подразделение 1-го пулеметного полка с 40 пулеметами (!), прибывшее из Ораниенбаума. Вскоре подошла и рота 2-го стрелкового Царскосельского полка во главе с поручиком Нарбутом⁶⁶. Ждали еще остатки кутеповского отряда, рассеявшегося по улицам Петрограда, и две роты запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка, но они так и не явились.

⁶³ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...

⁶⁴ Падение царского режима. Т. 1. С. 232–233.

⁶⁵ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...

⁶⁶ Там же.

Тем не менее, в Адмиралтействе сосредоточился довольно значительный отряд с артиллерией, пулеметами и кавалерией. Чтобы изолировать его от соприкосновения с революционными массами, решили организовать оборону не вокруг здания, а внутри него. У окон расставили пулеметы, во дворе – орудия; в ход в качестве укреплений пошли бревна и дрова. Солдат развели по комнатам и коридорам второго этажа. При этом разводе произошел любопытный эпизод. На одной из площадок неожиданно появился морской министр Григорович. Он был болен гриппом, хрипло кашлял и сморкался. Перегнувшись через перила, сердито крикнул Фомину:

– Полковник, прошу Вас убрать отсюда Ваших людей! Мне не нужна никакая охрана.

Фомин столь же сердито ответил, что никто не собирается охранять его, Григоровича, что измайловцы прибыли сюда по приказу командующего округом для охраны здания Адмиралтейства. Проворчав что-то, Григорович скрылся, хлопнув дверью⁶⁷.

Но для чего, в самом деле, Хабалов стянул сюда Измайловский отряд и другие части? Здесь в воспоминаниях Данильченко и Фомина имеются расхождения. Данильченко утверждает, будто генерал Хабалов сразу же сказал ему, что главная задача отряда – «оборона Зимнего дворца» и надо немедленно перебираться туда⁶⁸. Фомин излагает свой разговор с Хабаловым несколько иначе. Он пишет, что для него лично с самого начала была ясна бесцельность пребывания войск в Адмиралтействе: если утром 28 февраля массы восставших хлынут к Адмиралтейству, удержать его будет невозможно, тем более что среди измайловцев и других солдат уже стали проявляться признаки «разложения». Поэтому Фомин якобы предложил Хабалову свой план: немедленно покинуть Адмиралтейство и вообще Петроград и отойти в Пулково. Это маневр, как считал Фомин, позволил бы выйти «из зоны восстания», занять близлежащие к Петрограду станции на Балтийской, Варшавской и Виндавско-Рыбинской железных дорогах и здесь ожидать подхода карательных войск с фронта. Когда подойдут эти войска и где они находятся – никто в Адмиралтействе в это время знать не мог. Но еще в 12 часов дня и 7 часов вечера Хабалов и Беляев телеграфировали Николаю II в Ставку о необходимости прислать фронтные части для подавления революции, и у них не было никаких оснований сомневаться в его решении. Действительно, между 8 и 9 часами 27 февраля Николай назначил генерала Н. И. Иванова командующим Петроградским военным округом (вместо Хабалова). В его распоряжение передавались несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов, а также находившийся в Ставке Георгиевский батальон. С этими войсками Иванов должен был «восстановить порядок» в столице. Однако сообщение об «экспедиции» генерала Иванова военный министр получил только ранним утром 28 февраля. Трудно сказать, выдвигал ли в действительности Фомин план отхода из города для соединения с фронтными карателями, или он родился в его голове уже в момент писания мемуаров. Некоторые сомнения в данном случае вызывает тот факт, что полковник Данильченко об этом «пулковском плане» не упоминает ни слова (ничего не говорили о нем на допросах ни Хабалов, ни Беляев). Впрочем, дело, в конце концов, не в этом. Если бы Хабалов и принял предложение Фомина, положение вряд ли бы изменилось. Как мы увидим дальше, Георгиевский батальон – авангард карательных войск Иванова – дальше Царского Села, куда он прибыл утром 1 марта, не дошел. Но, как пишет Фомин, Хабалов решительно отклонил «пулковский план». По-видимому, он еще не верил в окончательный крах царского режима и боялся, что уход из Петрограда будет рассматриваться царем как дезертирство «с поля боя». Хабалов заявил Фомину, что Адмиралтейство является резиденцией правительства России, и отступление в Пулково будет означать не что иное, как его капитуляцию.

– Но ведь правительства здесь нет! – пробовал возразить Фомин.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Данильченко П. Указ соч. С. 7.

– Я теперь правительство! – оборвал его Хабалов. Тут же он распорядился обзвонить всех министров и пригласить их собраться в Адмиралтействе. Однако когда начали звонить, выяснилось, что телефоны отключены.

Но один член правительства все-таки находился с отрядом – военный министр Беляев (по другим данным, Беляев прибыл уже в Зимний дворец). Помимо него (а также генералов Хабалова и Занкевича), тут были петроградский градоначальник А. П. Балк, его помощник генерал Вендорф, начальник штаба Хабалова генерал М. К. Тяжельников и еще несколько жандармских и армейских генералов. Фактически только эта кучка людей олицетворяла теперь царский режим в Петрограде...

Время шло. К измайловцам вновь вышел генерал Занкевич. Отозвав Данильченко и Фомина, он сообщил им, что только «адмиралтейская часть города» еще не занята восставшими и только отдельные части, ядро которых составляет отряд измайловцев, остаются «верными долгу». Тактика этих последних «защитников престола» должна быть теперь иной: о наступательных действиях нечего и думать, надо держать оборону Адмиралтейства до вечера 28 февраля, когда по расчетам «адмиралтейских» генералов в Петроград начнут прибывать фронтовые войска. Расчеты эти были неверными. Как мы уже писали, генерал Иванов с Георгиевским батальоном (800 человек) прибыл в Царское Село только утром 1 марта (и вскоре отвел батальон на станцию Вырицу). Что же касается других частей, то в ночь на 28 февраля и в первую половину 28 февраля они только начали грузиться в эшелоны. Лишь к концу 1 марта они находились на станциях между Лугой и Псковом, Псковом и Двинском, а также в районе Полоцка. Только «головной» 67-й Тарутинский полк в это время находился на станции Александровская. Но Занкевич уверял, что каратели с фронта «в самый короткий срок наведут в столице порядок и будут расстреливать не только взбунтовавшиеся запасные батальоны, но и просто толпы демонстрантов»⁶⁹.

Итак, последний «бастион» царизма должен был во что бы то ни стало простоять до подхода карательных войск, посланных царем с фронта. Как пишет Фомин, «следовало сидеть, не показываться и ждать каких-то избавителей»⁷⁰. Но в 2 часа в ночь с 27 на 28 февраля Занкевич неожиданно отдал новый приказ: срочно покинуть Адмиралтейство и идти на охрану Зимнего дворца. В чем был смысл такого приказа, не объясняют ни Данильченко, ни Фомин. По-разному описывают они этот «исторический поход». «Бравый» Данильченко и спустя много лет представил его чуть ли не гвардейским парадом. Когда отряд шел мимо Александрийской колонны, он, Данильченко, якобы отдал команду, и солдаты продефилировали мимо нее, «четко печатая шаг»: «чувствовалось, что отряд верных государю-императору войск идет в его дворец»⁷¹. Фомин же воссоздает почти зримую картину этого «похода» в иных красках. «Был крепкий мороз, кругом – насколько хватало глаз – не было видно ни души. С нашим движением мертвая тишина Дворцовой площади огласилась шумом фыркающих лошадей и металлическим звоном режущих снег колес орудийных упряжек. Белый снег делал все предметы черными, но, благодаря ему и несмотря на отсутствие горящих фонарей, было совершенно светло». Впереди отряда, сгорбившись, шагал военный министр Беляев, за ним – Хабалов, Занкевич, Тяжельников и другие генералы...⁷²

Ночь поглотила мощное каре Зимнего дворца. Только из некоторых окон шел слабый свет, выхватывая из темноты суетившихся людей, лошадей, которые, помахивая хвостами, мирно стояли у армейских повозок. Было что-то фантастическое в этой картине: Фомину на мгновение даже почудилось, будто творение Растрелли из огромного европейского города

⁶⁹ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...; см. также: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. С. 199.

⁷⁰ ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...

⁷¹ *Данильченко П.* Указ соч. С. 3.

⁷² ЦГАОР СССР. Коллекция. Фомин Б. Воспоминания начальника последнего отряда...

вдруг переместилось в степь, по которой движутся кочевники. Усилием воли он отогнал наваждение...

Во дворец вошли через главные ворота. Там находилась рота главного караула дворца – солдаты из запасного батальона лейб-гвардии Петроградского полка и часть Запасного кавалерийского полка, еще раньше вызванная сюда из Новгорода.

Эти «пополнения», конечно, усилили отряд, но не так уж существенно.

Измайловская пехота расположилась на втором этаже, у окон, выходящих на Дворцовую площадь, несколько орудий поставили у ворот, а остальные и кавалерию «отвели в резерв». В общем, готовились к осаде. Хабалов даже официально назначил Данильченко на новую должность – «коменданта обороны Зимнего дворца».

Весь беляевско-хабаловский штаб (а по свидетельству Данильченко, он теперь увеличился примерно до 60 человек) разместился в двух «покоях»: «голубом» и «бордо», в которых в общей сложности стояло 7 телефонов. «Комендант обороны» тут же начал названивать министрам и «лицам царской фамилии»: они приглашались в Зимний дворец. Никто, однако, не отозвался. Только ранним утром 28 февраля, когда еще не начало светать, к Зимнему подъехали два автомобиля. Из первого вышел великий князь Михаил Александрович – брат царя. Но и он явился не по приглашению Данильченко. Еще днем 27 февраля его срочно вызвал из Гатчины председатель Государственной думы М. В. Родзянко с тем, чтобы, связавшись со Ставкой по прямому проводу, он попытался оказать на царя давление и склонить его к уступкам думской оппозиции. Николай II не внял, однако, советам брата, решив, как мы уже знаем, направить в Петроград карательные войска. Ввиду неудачи своей миссии Михаил собрался было вернуться в Гатчину, но дороги из Петрограда уже были блокированы. Тогда Михаил и направился в Зимний дворец.

С прибытием великого князя в штабе «адмиралтейского отряда» сумятица и неразбериха, пожалуй, усилились. Все теперь охотно готовы были передать бразды правления в его руки, чтобы сложить ответственность с себя. Неизвестно было, кто же тут командует. Хабалов и Занкевич начали понемногу «самоустраняться», Тяжельников с самого начала пребывал «в нетях». Некоторую активность еще проявлял Беляев. Все страшно боялись захвата революционными рабочими и солдатами Петропавловской крепости: в этом случае дворец оказывался бы под угрозой удара с двух сторон. По телефону связались с помощником коменданта крепости В. И. Стаалем. Тот ответил, что крепость революционными войсками пока не занята (это случилось в полдень 28 февраля), но Троицкий мост и Троицкая площадь уже блокированы вооруженными рабочими и солдатами, у которых имеются и броневики. Тогда, как пишет Данильченко, созвали «военный совет» с участием Беляева, Хабалова, Занкевича и его, Данильченко. Обсуждался один вопрос: способен ли «адмиралтейский отряд» пробиться через Троицкий мост и «взять» Петропавловскую крепость? Данильченко, по его словам, решительно ответил, что такая задача ему не по силам.

Между тем Фомин снова решил вернуться к своему «пулковскому плану» и доложил его самому Беляеву. Тот пошел совещаться с Михаилом Александровичем и, вернувшись, якобы ответил отказом.

Около 5 часов утра в покой «бордо», где находились «верховные чины» штаба, поступило сообщение: кавалерия Запасного гвардейского полка самовольно снялась «с позиций» и ушла из Зимнего. Это был удар. Возможно, он-то и сломил храброго «коменданта обороны» полковника Данильченко. Наступил черед «заболеть» и ему. Относительно начала этого «заболевания» наши мемуаристы расходятся. Фомин пишет, что Данильченко «заболел» и ушел в госпиталь (благо он находился тут же, в Зимнем дворце) ранним утром, когда никакого определенного решения о дальнейшей судьбе отряда еще не было. Сам же Данильченко изображает дело таким образом, что он почувствовал «переутомление» после того, как Хабалов, вернувшись от великого князя, отдал «ошеломляющий» приказ о возвращении в Адмиралтейство.

«Этим приказом, – пишет Данильченко, – моя должность «коменданта обороны» ликвидировалась», и он мог «пойти в лазарет для получения медицинской помощи»⁷³.

Напоследок, правда, по его словам, у него явилась дерзкая мысль: арестовать Беляева, Хабалова и Занкевича, самому встать во главе войск и... Но что делать дальше, Данильченко, видимо, представлял себе плохо. Во всяком случае, выбор между возможностью стать «русским Монком» и желанием потихоньку уйти в госпиталь довольно быстро был решен Данильченко в пользу госпиталя.

Вслед за Данильченко двинулись в госпиталь также «заболевшие» Есимантовский и Окулич...

Как утверждает Фомин, после ухода Данильченко командиром отряда Беляев назначил его. Оба мемуариста – и Данильченко и Фомин – связывают приказ об уходе из Зимнего дворца с Михаилом. Он, якобы, не хотел, чтобы говорили, что Романовы опять (как в 1905 г.) стреляли в народ у Зимнего. Имеются, однако, любопытные воспоминания некой М. Алекиной (сестры коменданта Зимнего дворца генерала Комарова), в которых позиция Михаила характеризуется несколько иначе. «Великий князь, – пишет Алекина, – сначала долго не соглашался вмешаться, заявляя, что он не имеет полномочий своего брата и не знает, что бы предпринял государь в этом случае...»⁷⁴ Но главная причина заключалась, конечно, в другом. Ощущение безнадежности – вот что гнало отряд. В 6-м часу утра 28 февраля колонна последних защитников царизма вновь потянулась через Дворцовую площадь к Адмиралтейству.

Возвращение в Адмиралтейство плохо действовало на моральное состояние Измайловского отряда. Признаки «разложения» усиливались и по мере того, как к зданию подходили все новые массы революционных рабочих и солдат. С раннего утра весь сад перед Адмиралтейством и прилегающие улицы были заполнены восставшими. Первой «колебнулась» 2-я рота: ее солдаты заявили, что в Адмиралтействе больше не останутся, уйдут в свои казармы. Удержать роту удалось с большим трудом. В половине девятого Хабалов передал в Ставку на имя генерала Алексеева фактический сигнал «SOS»: «Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях... Положение до чрезвычайности трудное»⁷⁵

⁷³ Данильченко П. Указ соч. С. 8.

⁷⁴ Алекина М. Трагические дни Зимнего дворца // Сегодня. Рига, 1927. 18 сент.

⁷⁵ Красный арх. 1927. № 2(21). С. 19.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.